XV вв. Обращенная к слушателям („Страшное чудо, братье...“), эта похвала начинается гиперболическим изображением всеобщего смятения, вызванного смертью Дмитрия Донского, и отчаяния автора, который считает себя все же обязанным описать горе природы и народа и вместе с тем восхвалить великого князя: „понудився слово писати житье сего“. Призывая в помощники бога, автор предупреждает, что он не будет прилагать к похвале „от онех древних Елиньскых философ повести“, но сложит „по житию достоверныя его похвалы“, как будто „в зерцале имыи“ это житие, в соответствии с „разумом божественнаго писания“. Не „дружняя любы понужает“ „прилагать похвалы“ „сему благочестьа дрьжателю“, но „от житиа светлости украшение, от прародитель святолепие“. Ссылаясь на „великого Дионисия“, автор приводит ряд аналогий к своему труду панегириста: шум воды делается ветром, солнце сушит земную влагу, ум владеет человеческими чувствами, согласуя (соединяя) чувства; ум в сердце человека сад „вкореняет“, а сердце с помощью языка передает миру „плод умныи“... Не от всяких родителей могло родиться такое „пречюдное чадо“, как князь Дмитрий: это случилось лишь „смотрением всех съдетеля бога“. Что приложить к его славе: она неизмерима, как и море полно и без текущих в него рек. Иных людей хвалят в детстве, других „в средовечие“, третьих — в старости; а „сей“ (великий князь) „с похвалою добродетели вся лета живота своего сверши“; один он, родився „благочествен“, „многым прародителем славу прорасти“. Пышно восхваляется красноречие Дмитрия, который „философ уста смотрением заграждаше“. Снова аналогия к настроению автора, слагающего похвалу: как „вода разделяется на двое от единого искипениа и паки сходится“, как все люди, смотря на небо, думают о том, кто живет там, — так „мысль предтекает ми глаголати о сем велицемь цари“. Зависть есть печаль о том, что ближний имеет хорошего; ревность же подобна „благым теплотам любве“, потому что ближний имеет „благое изволение и славу“, о чем „мудрыи“ сказал: душа любовника находится в теле любимого. Автор восхваляет примерную жизнь супругов — Дмитрия и Евдокии, у которых „едина душа бе, две теле носяще...“ Вспоминая добродетели Дмитрия, он характеризует его мудрость („сед разумом преже старости...“) и „рвение к богу“. Восхваляя Дмитрия, как царя, автор прибегает к бытовым аналогиям — врачом может быть тот, кто прежде изучит существо недуга, иконописцем — кто приготовит краски; он вспоминает недостойных царей Библии (Саула, Ровоама, Иеровоама) и противопоставляет им Дмитрия, который, приняв власть от бога, с богом ее и держал. Следуют хвалебные эпитеты: „другом стена и твердь, противным же мечь и огнь, посекая нечестивыа и пожигая, яко хворость, удобь сгорающу, вещь, на зло събравшююся“. Цитатами из пророков Иеремии, Давида и ап. Павла автор определяет свой труд: „и аз убо худоумныи на похваление предобраго господина ми словес изнести въсхотех...“ Следует рассуждение о „памяти божией“, которая „на двое разделяется: аще разумно, на похвалу, се ли съгрешается от правосудства — на хулу“. Бога нельзя „объять“ ни „страстию“, ни „похвалою“; все же человеческое („человеческия вещи“) можно и хвалить и хулить: поэтому, хорошо „разумев“, следует хвалить, не понимая — лучше молчать. Много философов было в миру, но „две главе“ было среди них — Платон и Пифагор; об одном „благословесно“ они рассказали, о другом — благоразумно умолчали. Автобиографический эпизод повествует о том, как „твое преподобьство“ поручило „нашему худовьству“ составить слово, и потому автор просит это „преподобьство“ помолиться, чтобы он справился с порученным ему делом. Рассуждение о „правой любви“, которой „тебе любим“, т. е.,